

КРУЧИНА-БОГДАНОВ И. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КРУЧИНА-БОГДАНОВ Иван Владимирович, родился в 1889 в деревне Косые Харчевни Устюжского уезда Новгородской губ. Артист концертной бригады Домпросвета и Общества слепых. 4 марта 1932 — арестован «за антисоветскую агитацию», 21 марта приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан и 7 апреля отправлен в Алма-Ату, а в мае переведен в Актюбинск. 16 апреля 1933 — освобожден досрочно и разрешено свободное проживание (по телеграмме из Москвы). Вернулся в Ленинград, но паспорта не получил, отправлен за 101 км. Поселился в Валдае Ленинградской области, позднее — в Боровичах, работал в клубе комбината.

В июле 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой

<13 июля 1936>

«БОРОВИЧИ. 13 июля 1936 г<ода>».

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Обращаюсь к Вам со слезной просьбой от имени несчастной семьи, страдающей безвинно в течение четырех с лишком лет, и от своего собственного, вконец истомившись в невыносимом одиночестве изгнания.

Болит душа живого человека от сознания собственного бессилия быть вместе с семьей, нуждающейся и в материальной помощи, и в нравственной поддержке.

Жена — единственный друг, исключительный по нравственным качествам и беспримерная мать, последние силы отдающая воспитанию детей, — изнемогает под тяжестью этого бремени, не видя ни малейшего просвета ни в настоящем, ни в будущем.

Сам я измучен окончательно, лишь из писем и рассказов узнаю об исключительных способностях своих собственных детей, оторванных от меня более четырех лет и, безусловно, нуждающихся в общении с отцом.

Указанное положение мое и семьи кажется слишком тяжелым и незаслуженно жестоким, в наши дни заботы о человеке, когда основы новой Конституции так светлы и радостны, и так безумно хочется жить полной жизнью и неустанно работать на пользу обновленного человечества!

Во имя светлой памяти ушедшего от нас незабвенного Алексея Максимовича, — я, жена и наши дети, — со слезами просим помочь нашему горю...

В 20-х числах мин<увшего> июня, проводя в БОРОВИЧАХ литературный вечер памяти А. М. ГОРЬКОГО и не имея под руками переделки для сцены его повести "МАЛЬВА", я сам лично ее инсценировал и поставил. В тексте этого, одного из первых произведений Алексея Максимовича, так много звучаний о живой радости жизни, побудивших меня обратиться к Вам с настоящим письмом.

Помогите неповинным детским душам, вместе с другими советскими детьми, порадоваться грядущему восходу воистину светлых дней человечества, утрите их слезы и слезы матери, и да благословят они имена: Ваше и АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА...

Одновременно направляю в Комиссию Частных амнистий при ВЦИКе просьбу, в копии при прилагаемую. В ней изложена вся суть дела.

Кручина Богданов.

Адрес: БОРОВИЧИ, Ленобласти, Советская ул<ица>, 5.

КРУЧИНА-Богданов Иван Владимирович»¹.

«В КОМИССИЮ ЧАСТНЫХ АМНИСТИЙ при ЦИК

МОСКВА

КРУЧИНЫ-БОГДАНОВА Ивана
Владимировича (он же Юрий Кручина)

ЗАЯВЛЕНИЕ

4-го марта 1932 года, в числе других артистов Ленинградской Эстрады, я был арестован Уполномоченным ОГПУ за отказ от работы в ГОМЭЦе, учреждением взамен ликвидированного в 1931 году Ленпосредрабис. Больше никаких обвинений мне предъявлено не было, но указанный проступок был рассмотрен в то время, как срыв работы госучреждения, и применена ст<атья> 58 п<ункт> 10 УК (антисоветская агитация). В силу изложенного, 7 апреля 1932 года я, после месяца тюремного заключения, был административно выслан из Ленинграда в Казахстан на три года и направлен в г<ород> Алма-Ата, откуда в мае того же года переведен на вольное поселение в г<ород> Актюбинск. Не чувствуя за собою никакой вины, я в сентябре месяце того же года обратился с личным письмом к Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ, прося о помиловании и возвращении в Ленинград. Больше я никуда и ни с какими ходатайствами не обращался. Просьба моя, видимо, была услышана, и в Москве также не усмотрели состава преступления, ибо 5-го мая 1933 года в Актюбинском Отделении ОГПУ мне была предъявлена персональная телеграмма Алма-Атинского Краевого ОГПУ, гласившая:

"Немедленно освободите из ссылки Кручину тире Богданова Ивана тире Юрия Владимировича тчк Исполнение телеграфъте".

Мне было вручено удостоверение о восстановлении в гражданских правах, с разрешением повсеместного проживания по всей территории Советского Союза. Получив на месте ссылки в Актюбинске удостоверение личности, я поехал с ним в Ленинград к семье, проживающей там и в настоящее время, и был прописан по прежнему месту жительства. Но при новой паспортизации мне нового паспорта не выдали и предписали в 24 часа покинуть Ленинград и выехать на расстояние 101-го км. Поселившись в ВАЛДАЕ Ленобласти, я в сентябре м<еся>це 1933 года обратился во ВЦИК с ходатайством о снятии судимости, которая была единственным мотивом к невыдаче мне нового паспорта (таковой был получен мною впоследствии в Валдае и своевременно заменен пятилетним, сроком до конца января 1941 года). Только лишь через ПОЛТОРА года, летом 1935 года, я получил из Москвы ответ, что мое ходатайство ОТКЛОНЕНО. В июне 1935 года я вторично писал тов<арищу> СТАЛИНУ, напоминая о первом письме к нему, единственно результатом которого я считаю факт досрочного освобождения. Осенью 1935 года я получил ответ из Москвы, но уже от Главного Управления РК Милиции НКВД, в котором лаконично говорилось: "Разрешить Вам проживать в Ленинграде не можем".

Работая в Валдае, я обслуживал по местному Военкомату призывников 1913 года рождения и получил отзыв, гласящий, что мое участие в художественном обслуживании "помогло успешному проведению кампании призыва и приписки". Этот отзыв дал мне повод обратиться к Маршалу Советского Союза К. Е. ВОРОШИЛОВУ с ходатайством о прописке в Ленинграде. 23-го марта текущего года пришел ответ из Приемной Наркома Оборона СССР, в копии при сем прилагаемый. Не успел я обратиться по указанному в нем адресу, как

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.1527. С. 244. Машинопись, подпись — автограф.

получил отношение Ст<аршего> Пом<ощника> Обл<астного> Прокурора по надзору за РК Милицией и Угрозыском от 31-го марта с<его> г<ода> за № 1929, также прилагаемый при сем в копии.

Прошу не отказать в рассмотрении моего заявления, так как уже пятый год я терплю высылку из родного города, а с момента досрочного освобождения от таковой — 5-го мая сего года истекло ровно ТРИ года...

В Ленинграде я прожил и проработал около 40 лет. Там проживает моя семья: жена — педагог, премированная ударница, и четверо детей, из коих двое старших сыновей также премированные ударники типографии им<ени> тов<арища> ВОЛОДАРСКОГО ("Красная Газета"). Один из них, комсомолец, в настоящий момент состоит на службе в Красной Армии. Третий сын — ученик 4-го класса начальной школы. Дочери четыре года, родилась и выросла без отца, мучительно долго томящегося в изгнании...

Не считая себя вправе лишить их пользования культурными благами первого социалистического города, и будучи не в силах ни материально, ни нравственно существовать далее в оторванности от семьи, нуждавшейся в моей поддержке и близости, — убедительно прошу не отказать в моей просьбе и помочь живому человеку отдать остаток дней своих воспитанию детей и положить все силы на служение делу Социалистического Строительства.

В настоящее время я проживаю в БОРОВИЧАХ и состою клубным работником комбината "КРАСНЫЙ КЕРАМИК".

Жена, Мария Александровна КРУЧИНА-БОГДАНОВА, преподает иностранные языки в Автодорожном Институте и Рабфаке.

Адреса старших сыновей: Юрий Иванович КРУЧИНА-БОГДАНОВ, цинкограф-травильщик типографии "Красная газета", Ботанический Сад, Песочная ул<ица>, № ½, кв. 15 (в ЛЕНИНГРАДЕ)

Ростислав Иванович БОГДАНОВ, фото-ретушер "Красной газеты" (ЛЕНИНГРАД, ул<ица> Жуковского, 37, кв. 14)

Мой адрес: БОРОВИЧИ, Ленобласти, Советская ул<ица>, 5.

Кручина-Богданов.

13 июля 1936 года. БОРОВИЧИ»².

---

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.1527. С. 245. Машинопись, подпись — автограф.